

А.И. НЕФЕДОВА¹, Е.Л. ДЬЯЧЕНКО^{2,3}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

101000, Москва, Мясницкая ул., д. 11, каб. 434.

² Европейский университет в Санкт-Петербурге.

191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А, каб. 35.

³ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82.

ЭФФЕКТЫ УЧАСТИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ¹

Аннотация. С момента распада Советского Союза и открытия границ было принято много мер по интернационализации российской науки. В частности, усилилось внимание к публикациям в журналах, индексируемых в международных базах научного цитирования, вузы и научные организации стали приглашать иностранных профессоров, а также отправлять своих сотрудников и студентов на зарубежные стажировки. После начала специальной военной операции на Украине (СВО) в 2022 г. российская наука столкнулась с множеством внешних ограничений, которые были связаны с сокращением международного сотрудничества. Вместе с тем у российских ученых накопился 30-летний опыт активного участия в международной кооперации и академической мобильности, однако до сих пор наблюдается существенная нехватка понимания того, какое влияние оказал этот опыт на дальнейшую научную деятельность российских ученых. Авторы статьи представляют результаты исследования, посвященного изучению этого вопроса. Теоретической рамкой анализа выступала концепция «трех карьер ученого» (организационной, когнитивной и карьеры в сообществе), предложенная немецкими социологами науки Йоханом Глейзером и Грит Лаудель. В качестве эмпирических данных были использованы материалы глубинных интервью с молодыми учеными в возрасте до 39 лет, собранные в 2020–2021 гг. в рамках проекта «Международная мобильность российских молодых исследователей: масштабы и эффекты для научной карьеры», а также результаты социологического опроса 7255 высокопродуктивных ученых, проведенного в рамках «Мониторинга экономики образования» в 2022 г. Все опрошенные находились за рубежом более трех месяцев. Выявлено, что международная мобильность оказывает комплексное влияние, заметное во всех трех компонентах научной карьеры. Приобретенные знания и умения, вовлечение в международные проекты обеспечивают развитие «когнитивной карьеры» исследователя, а новые профессиональные

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

связи способствуют продвижению в международном научном сообществе. Что касается «организационного измерения» карьеры, влияние мобильности прямо не сказывается на карьерном росте внутри организации. Однако мобильность нередко способствует личностным изменениям, в частности, влияющим на решимость менять работу, искать наилучшие условия. Подобные оценки представляются впервые и могут быть полезны при разработке рекомендаций по пересмотру поддержки программ мобильности с учетом изменившейся геополитической ситуации.

Ключевые слова: российские ученые; молодые ученые; эффекты мобильности; академическая мобильность; международная мобильность; научная карьера.

Для цитирования: Нефедова А.И., Дьяченко Е.Л. Эффекты участия в международной мобильности для российских ученых // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 1. С. 113–142. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.6 EDN: НЕКВЕР

Введение

За последние 30 лет в российской науке произошло много радикальных преобразований и трансформаций, одно из самых заметных было связано со степенью ее интегрированности в международную науку. До распада Советского Союза контакты с зарубежными учеными осуществлялись эпизодически, советская наука развивалась практически полностью автономно от всего остального мира [38]. После открытия границ в 1990-х гг. наблюдался массовый отток научных кадров из страны, вызванный неудовлетворительными условиями работы в науке в тот период. Из-за очевидных негативных последствий для кадрового потенциала страны отношение к международной мобильности было весьма настороженным [15; 12; 59]. В этот же период в науку пришло зарубежное финансирование в виде специальных грантов и фондов, прежде всего из США, Великобритании, Германии, Франции и Японии, благодаря которым существенно возросли интенсивность научной мобильности и участие российских ученых в зарубежных стажировках. Это способствовало появлению новой научной элиты и развитию исследовательских компетенций у российских ученых, принявших участие в подобных программах [22; 24; 26; 21]. Были запущены массовые академические обмены с Германией в рамках программы DAAD, а также при поддержке Фонда им. Гумбольдта [24].

В 2010-е гг. наступили «разворот и потепление» в сторону интернационализации российской науки и высшего образования. Были приняты ряд мер по повышению привлекательности работы в России для зарубежных ученых и представителей российской диаспоры [4; 6]. В 2013 г. была запущена государственная программы «Проект 5-100», в рамках которой принимались специальные меры по повышению глобальной конкурентоспособности университетов, а доля иностранных НПП, студентов и аспирантов в общей численности работников и обу-

чающихся в вузе стала одним из ключевых показателей эффективности университетов-участников [9; 10; 55; 16]. В этот же год была запущена программа «Глобальное образование», в рамках которой осуществлялось софинансирование обучения студентов в ведущих зарубежных вузах с дальнейшим трудоустройством в России. Пять лет спустя — в 2018 г. — в рамках национального проекта «Наука» стимулирование международной мобильности НПР было обозначено в качестве одной из ключевых целей. В 2019 г. была запущена государственная программа по созданию и развитию научных центров мирового уровня (НЦМУ)².

В результате реализации запущенных программ к началу 2020-х гг. в России был пройден достаточно большой путь интеграции отечественных научно-преподавательских кадров в глобальную науку: в 2019 г. почти каждый пятый (17,2%) российский ученый — обладатель ученой степени имел опыт долгосрочной международной мобильности за период 2009—2019 гг. [23]. Вместе с тем было выявлено, что российские НПР вовлечены в международную мобильность крайне неравномерно: доля выезжающих была выше среди сотрудников и аспирантов научных организаций по сравнению с НПР вузов; среди преподавателей ведущих вузов по сравнению с преподавателями других вузов; среди занятых и обучающихся в Москве и Санкт-Петербурге по сравнению с другими регионами; среди высокопродуктивных ученых со степенью по сравнению с не имеющими ученую степень; среди ученых в естественных и гуманитарных науках по сравнению с учеными в других областях науки [14; 3].

В 2020—2021 гг. интенсивность международных обменов заметно снизилась из-за пандемии COVID-19. В 2022 г. была начата СВО на Украине, которая также резко повлияла на состояние российской науки: многие европейские и североамериканские организации приостановили институциональное сотрудничество с российскими научными организациями и вузами, в целом сократились возможности участия в международных конференциях, ухудшился доступ к мировым базам данных научно-технической информации [8]. Из-за наложенных санкций произошел разрыв кооперации с недружественными странами, которые являлись основными партнерами в сфере науки и технологий, и начался разворот научно-технического сотрудничества в сторону Востока [7].

Обзор предыдущих исследований

Что дает международная мобильность ученым: глобальная перспектива

Мобильность ученых — один из важнейших механизмов повышения квалификации научных кадров и установления новых партнерских связей между коллективами, организациями, странами. Мировая наука в целом выигрывает от международной мобильности научных кадров, так как все более широкий круг ученых получают возможность вести

² Портал научных центров мирового уровня. — URL: <https://нцму.рф> (дата обращения 25.05.2023).

исследования по близкой для себя теме в наиболее релевантных условиях, приобщаясь при этом к ведущим научным школам и передовым исследовательским проектам. Однако на национальном и региональном уровнях миграция научных кадров может не только выступать драйвером исследовательской и инновационной активности, но и сдерживать развитие науки и разработку технологий в случае оттока квалифицированных специалистов в другие страны [53; 25; 58; 3]. Вопрос о том, как организовать международные обмены и кооперацию ученых, чтобы это вело к взаимовыгодному обмену знаниями, приобретает особую актуальность. Сегодня в мире существует множество программ по поддержке академической мобильности [30; 35].

Большинство эмпирических исследований показывают, что опыт международной мобильности положительно сказывается на дальнейшей деятельности ученого [36; 40]. В частности, расширяются связи с коллегами, появляется доступ к прежде недоступному исследовательскому оборудованию и информации, повышается квалификация исследователя и т. д. [56]. Наличие подобного опыта международной мобильности между тем не означает автоматического преимущества на протяжении всей карьеры — положительный эффект наблюдается в первую очередь на ее ранних ступенях [34]. В некоторых случаях «немобильная» карьера может даже быстрее привести к получению постоянной позиции, если в соответствующей академической среде ценятся не столько научные результаты, сколько уровень лояльности сотрудника к организации [28; 47].

Кроме того, короткие программы мобильности не позволяют мобильным ученым закрепиться в «принимающей» системе, а возвращение сопряжено с серьезными издержками, в том числе с необходимостью выстраивания заново утраченных во время мобильности социальных контактов, а также реадaptации [44]. Все это ведет к неустойчивому карьерному положению ученого, что делает вынужденный отказ от мобильности единственно верным решением во многих случаях [31]. Кроме того, в исследованиях все чаще стали обсуждаться вопросы неравенства, сопровождающего процесс мобильности: не все географические направления одинаково привлекательны [27]; существуют значительные различия в зависимости от области науки [46], от особенностей национальной системы в части отношения к инбридингу [42; 52], от параметров мобильности [48; 43], а также от социально-демографических характеристик участников [54; 57]. На основании этих результатов исследований можно выдвинуть предположение, что исключительно позитивные эффекты мобильности ощущают преимущественно «суперзвездные» исследователи, а остальная часть довольствуется крайне противоречивыми результатами³.

³ См. на примере исследователей из Ирландии: *Mobility or precarity? Constructions and uses of international mobility among long-term precarious academics in Ireland* // Centre for Global Higher Education (CGHE). — URL:

***Влияние приобретенного опыта
международной академической мобильности в России***

Несмотря на то что международные обмены с участием ученых из России осуществлялись более трех десятков лет, эмпирические исследования, посвященные изучению влияния полученного опыта академической мобильности как на индивидуальные профессиональные карьеры ученых, так и на развитие научного потенциала России в целом, весьма редки.

В частности, в 2005 г. в рамках исследования роли зарубежных фондов в формировании российской научной элиты был проведен опрос участников — стипендиатов Фонда им. А. Гумбольдта, в рамках которого респондентов спрашивали о том, какие возможности дала им стажировка для дальнейшей научной деятельности. Самыми популярными ответами стали следующие: контакты с зарубежными коллегами (75%), доступ к научной литературе и архивам (47%), общекультурные контакты и впечатления (36%), работа на хорошем научном оборудовании (34%) и возможность отложить немного денег от стипендии (33%) [22]. Вопреки возможному предположению, что участие в программе может способствовать формированию установки к переезду за рубеж навсегда, таковой взаимосвязи не обнаружилось [там же].

Согласно результатам проведенного в 2014 г. опроса 150 российских ученых, имевших опыт международной мобильности и сотрудничества, чаще всего среди эффектов респонденты отмечали: получение опыта и навыков, повышение профессиональной квалификации (40,9%), установление новых контактов с зарубежными коллегами (36,4%), получение доступа к новой научной литературе, базам данных и архивам (34,1%), совместные публикации (29,5%), а также доступ к современному научному оборудованию (22,7%) [26].

Согласно результатам опроса кандидатов и докторов наук, проведенного в 2019 г., молодые российские ученые, имевшие опыт длительной мобильности, по возвращении не получали прямых преимуществ с точки зрения карьерного роста, а иногда даже оказывались в проигрышном положении в организации по сравнению со своими немобильными коллегами [2], что частично объясняется закрытостью и замкнутостью российской академической среды [19; 20]. Вместе с тем в рамках проекта «Международная мобильность российских молодых исследователей: масштабы и эффекты для научной карьеры» с помощью библиометрических методов было обнаружено, что исследователи в возрасте до 39 лет после обучения, работы или стажировок за рубежом публикуются в журналах более высокого уровня, а также

больше цитируются со стороны мирового научного сообщества, чем их ровесники-коллеги из соответствующей области науки со схожим предыдущим образовательным путем [16; 48].

В статье «Программа мегагрантов: импульс международной мобильности или канал “утечки умов”?» [11] поднимался вопрос о том, способствует ли программа мегагрантов⁴, которая изначально нацелена на поддержку международной мобильности, оттоку российских кадров за границу. В результате анализа данных о местах работы ученых (аффилиаций), полученных из базы Web of Science, было выявлено, что лишь около 2% участников этой программы эмигрировали из страны, а абсолютное большинство совмещают работу в России и за рубежом, что способствует развитию кадрового потенциала страны.

Исследовательский вопрос и источники данных

Влияние опыта мобильности на дальнейшую профессиональную карьеру ученых довольно сложно измерить. Для решения подобных задач чаще всего применяются наукометрические методы, в которых используются количественные индикаторы, такие как количество опубликованных научных работ, число цитирований и проч. [45; 41]. Чуть менее активно применяют социологические опросы, где исследователей спрашивают о том, как опыт, приобретенный в ходе международной мобильности, сказался на их дальнейшей профессиональной деятельности (например, масштабный проект MORE⁴, реализованный Европейской комиссией в 2019–2020 гг.⁵). Реже всего применяются административные методы (сбор сведений с организаций), которые дают более полные и точные данные по сравнению с использованием информации резюме и с опросами, но вместе с тем они требуют большого объема финансирования [13].

Несмотря на то что вопросы эффектов международной мобильности для российских научных кадров уже частично поднимались в литературе, перечисленные выше исследования имеют несколько ограничений. Поле эмпирических исследований влияния международной мобильности на карьеру ученых во многом сформировано фактором доступности данных для анализа (прежде всего для количественного). В результате этого может возникнуть впечатление, что самый важный

⁴ См.: Портал программы «Мегагрантов» (Постановление 220). — URL: <https://megagrant.ru/> (дата обращения 23.05.2023). Программа учреждена Постановлением Правительства РФ № 220 от 9 апреля 2010 г. «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные организации высшего образования, научные учреждения и государственные научные центры российской федерации».

⁵ См. текст итогового отчета по исследованию «MORE4 study»: URL: https://cdn5.euraxess.org/sites/default/files/policy_library/more4_final_report.pdf (дата обращения 17.01.2023).

вопрос о мобильности: получают ли мобильные ученые преимущество в публикационной активности и в расширении своей профессиональной сети соавторов?

В нашей работе сделан акцент на влиянии разнообразных эффектов мобильности на карьеру ученого. Продуктивной рамкой анализа представляется концепция профессиональной карьеры ученого, предложенная немецкими социологами Г. Лаудель и Й. Глейзером [39]. Согласно этой концепции, карьера исследователя может быть проанализирована сквозь призму трех взаимосвязанных измерений:

1) когнитивная карьера как последовательное развитие собственных исследовательских интересов, проектов, тематик работы и профессиональных компетенций;

2) организационная карьера как последовательность должностных позиций в организациях;

3) карьера в сообществе как последовательность ролей в надорганизационном и наднациональном «невидимом колледже» ученых, рост авторитета среди коллег.

Наиболее часто изучаемые эффекты мобильности — публикационная активность и международное соавторство — являются характеристиками карьеры в исследовательском сообществе. В данной работе рассмотрим более широкий круг эффектов и соотнесем их с тремя измерениями карьеры, в том числе и для того, чтобы определить пробелы в эмпирических исследованиях мобильности.

В работе описаны результаты двух этапов исследования, первый из которых основан на анализе материалов глубинных интервью, а второй представляет собой количественный анализ опроса ученых. В нашем случае это смешение методов применяется по модели кросс-валидации и взаимодополнения. В обоих случаях ученых спрашивали о том, что им дал для работы зарубежный опыт. На этапе анализа глубинных интервью были выделены разнообразные эффекты, отрефлексированные мобильными учеными. Данные же масштабного опроса позволили, во-первых, измерить масштабы этих эффектов на широкой выборочной совокупности и, во-вторых, проанализировать гетерогенные эффекты (мы искали разницу в полученных эффектах между группами ученых, выделенных по разным признакам). В статье попытаемся ответить на два исследовательских вопроса: 1) что дает участие в международной академической мобильности для российских ученых после возвращения в Россию? 2) Есть ли различия в полученных результатах в зависимости от области науки?

Глубинные интервью с участниками длительных программ международной мобильности

На данном этапе исследования были проанализированы материалы 39 глубинных интервью, собранных в рамках реализации проекта «Международная мобильность российских молодых ученых: масштабы и эффекты», выполненного при поддержке гранта Президента РФ в 2020–2021 гг. Для изучения были выбраны именно молодые ученые по-

тому, что первый этап карьеры является критически важным и во многом определяет всю последующую профессиональную жизнь [51]. В выборку вошли ученые, имеющие длительный (более трех месяцев) опыт работы, обучения или стажировки за рубежом, работающие в исследовательских организациях Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Тюмени, Иркутска, Калининграда, Пушкино; представлены как общественные и гуманитарные, так и естественные науки. Также в выборке есть ученые, обладающие разным опытом мобильности (обучение, стажировки, работа за рубежом). Интервью были собраны в первой половине 2020 г.

Анализ качественных данных происходил следующим образом: сначала тексты были транскрибированы, далее в два этапа производилось кодирование. На первом этапе был проведен тематический анализ, где каждый отмеченный в транскрипте эффект был обозначен кодом, на втором этапе эти коды были объединены в категории. Для этого был разработан кодификатор в виде аналитической схемы, включающей перечень категорий и признаков, важных в контексте предмета и объекта исследования. Для разработки кодификатора использовался такой инструмент, как карта мыслей (или интеллектуальная карта, *mind map*). На втором этапе было проведено кодирование транскриптов с помощью ПО Dedoose. Далее выполнены переопределение категорий, выгрузка полученных данных и финальная обработка результатов. Более подробно процесс анализа данных описан в работе [17].

Опрос высокопродуктивных ученых, проведенный в рамках проекта «Мониторинг экономики образования» в 2022 г.

На втором этапе исследования были измерены масштабы выраженности эффектов международной мобильности. В качестве эмпирической базы использовались результаты опроса ученых, проведенного НИУ ВШЭ в июне — сентябре 2022 г. в рамках проекта «Мониторинг экономики образования»⁶. Сбор данных осуществлялся на основе метода самозаполнения онлайн-анкеты (*Computer-assisted web interviewing, CAWI*). Генеральную совокупность составили российские ученые, имеющие публикации, индексируемые в РИНЦ, независимо от их должности и места работы. Для целей нашего исследования из данной генеральной совокупности была выделена группа ученых, находящихся по уровню публикационной активности в первых 20 процентилях по ядру РИНЦ (далее — высокопродуктивные ученые)⁷. Итоговый размер выборки составил 7255 человек. Далее данные анализировались с помощью методов описательной статистики.

⁶ См. сайт проекта: Мониторинг экономики образования. — URL: <https://memo.hse.ru/> (дата обращения 17.01.2023).

⁷ Перцентиль присваивается исследователям, у которых была хотя бы одна публикация в РИНЦ за последние 5 лет. Перцентиль представляет собой рейтинг с позициями от 1 до 100, где «1» охватывает 1% авторов с самыми высокими показателями публикационной активности. Перцентиль от 1 до 5 имеют авторы с наибольшим рейтингом в своей научной области.

Результаты исследования

Результаты анализа материалов интервью

Общая оценка приобретенного опыта является положительной почти у всех информантов, при этом этот опыт необязательно давался легко. Если сгруппировать упомянутые учеными эффекты зарубежного опыта, можно выделить несколько важнейших категорий: приобретение новых знаний, связей и компетенций, личностные изменения, сотрудничество, изменение научной результативности, перенос в российские организации увиденных за рубежом практик, карьерные/статусные изменения.

Приобретение новых знаний, компетенций. Еще несколько десятилетий назад на мобильность ученого смотрели, скорее, как на перемещение некоторой постоянной «производящей единицы» между странами. Однако со временем к этому взгляду на мобильность добавился взгляд на нее как на опыт, меняющий самого мобильного ученого. Все чаще стали появляться исследования того, как мобильность влияет на самих перемещающихся ученых, а не на страны, из которых они уехали или в которые приехали [35; 44; 56]. Прежде всего здесь имеются в виду знания, приобретаемые ученым на новом месте. Мобильные ученые в нашем исследовании говорили о самых разных видах знаний и умений, полученных в ходе зарубежной учебы/работы. Это опыт работы на новейшем оборудовании⁸; знания о методах, которыми их коллеги в России не владели; о том, как в зарубежных университетах и институтах подходят к планированию исследования; о том, какими техниками и технологиями пользуются иностранные коллеги для создания структурированного обзора больших массивов литературы; о том, как описывать результаты работы в статье, чтобы повысить шансы публикации в самых престижных журналах. Кроме того, одни ученые говорили, что благодаря доступу к литературе и личному общению со специалистами высокого уровня получили новое для себя широкое видение исследовательского поля, другие — понимание того, как можно коммерциализировать результаты исследований.

Здесь не последнюю роль играет то, что нашими информантами выступали молодые ученые. Их зарубежный опыт пришелся на период профессионального становления, когда накопление тех или иных знаний и умений происходит независимо от того, в какой среде они работают. В этой связи интересно было бы понять, могли ли наши информанты приобрести эти знания, если бы оставались в России?

⁸ Интересно, что, по словам информантов, такое оборудование есть и в России, но доступ к нему затруднен и формализован. За рубежом для участников нашего исследования было меньше барьеров, чтобы работать на оборудовании. Также некоторые респонденты отметили быстроту доставки реагентов, что нехарактерно для российских учреждений.

Получить объективный ответ на этот вопрос методологически сложно, но мы можем описать субъективные оценки мобильных ученых по этому вопросу. Некоторые участники исследования прямо говорили, что полученные за рубежом знания было бы трудно получить в России.

По психометрике в российской библиотеке — четыре книги, ну, может быть, пять уже сейчас. В Лёвене это четыре стеллажа с мой рост. В первый год я только и делал, что читал. <...> У нас курсы были про коммерциализуемость результатов — то, чего нет в России. А Лёвен, как известно, университет номер один в Европе по инновациям, у него огромный фундамент — там миллиарды евро, и профессора — миллионеры, и это видно по ним... (Социальные науки, муж., аспирантура в Бельгии.)

В Питере то, что я делал, анализ данных, он был немножко оторванный от современных методов по причинам, которые связаны с задачей, и реальных специалистов по анализу данных в Питере тогда не было. Тут [за рубежом] я попал практически в эпицентр, где люди занимаются анализом данных, и они мне за три месяца рассказали, во-первых, как программировать в C++, а во-вторых, что нужно делать, то есть я примерно понял, что нужно делать в анализе данных. (Естественные науки, муж., стажировка в Германии.)

Такие оценки необязательно вписаны информантами в нарратив о превосходстве зарубежной науки и образования над российскими. Скорее, они хорошо вписываются в концепцию «локальности» знания, согласно которой знание, относящееся к определенной теме, неравномерно доступно по всему миру, но может быть сконцентрировано в определенных организациях, и освоить его можно только на месте [29; 33]. Мобильный ученый получает возможность приобрести из первых рук некодифицированное, неявное знание по определенной теме или же кодифицированное знание, но недоступное глобально. В этом смысле российские организации также могут выступать в роли мест, где можно получить по некоторым тематикам уникальные знания, недоступные нигде более в мире. Мобильность позволяет ученому, профессионально социализированному в одной среде, соединить свои знания с теми, которые сконцентрированы в других местах, таким образом, выступая механизмом инноваций [50; 32]. В терминах трех измерений исследовательской карьеры можно сказать, что международная мобильность положительно влияет на когнитивную карьеру ученого, так как приобретенные знания и навыки позволяют включаться в более масштабные исследования, менять темы на более перспективные и востребованные.

Личностные изменения. Опыт длительной мобильности и столкновения с чужой культурной средой у многих информантов вызывал необходимость пересмотра собственных установок, ценностей и убеждений, которые ранее казались незыблемыми и неизменными. Чаще мобильные ученые положительно оценивали такое расширение собственных культурных горизонтов.

Ты живешь с определенными ценностями, которые тебе навязывают родители и школа, а когда ты живешь за границей, у тебя как бы расширяется спектр того, как можно себя вести, и ты просто сам выбираешь, и это часто такой конфликт между тем, что тебе навязывают, и тем, что ты видишь вокруг и понимаешь, как ты хочешь жить, в какой модели ты хочешь жить. (Гуманитарные науки, жен., магистратура в Германии.)

Из-за различных культурных шоков я впервые начал задумываться о вопросах равенства любого: гендерного, этнического. Сейчас и в принципе я об этом не задумывался, потому что я в привилегированном положении белого мужчины. Потом, когда вернулся в Россию, я просто хватался за голову от количества сексизма буквально во всем, который раньше не замечал. Просто, когда узнаешь о чем-то, потом не можешь «развидеть» это обратно... Но из-за культурного опыта поездки я стал другим человеком, пожил совершенно в другой среде. Я бы точно не хотел отказываться от этого опыта. (Естественные науки, муж., магистратура во Франции.)

Необходимость подстраиваться под новые условия в ходе обучения или работы за рубежом, с одной стороны, у некоторых вызывала дискомфорт, а с другой — развивала навыки адаптивности, самостоятельности и способности справляться с трудностями. Это, в свою очередь, приносило ощущение уверенности в своих силах, способностях, знаниях.

Я осознала, сколько всего я могу. Я поняла, что, во-первых, оказывается, что у меня есть свои прикольные идеи. Когда мы делали вот этот вот проект, там вот какой-то фреймворк разрабатывали, поняла, что, оказывается, я что-то могу. Я поняла, что могу жить одна, в первый раз, это тоже немаловажно... В этот раз это был реально рост, большой личностный рост, внутренний рост, именно личностный, не профессиональный. (Социальные науки, жен., стажировка во Франции.)

Ряд информантов отметили как преимущество открытость, развитию которой способствовал зарубежный опыт, в том числе опыт взаимодействия в профессиональной среде, менее иерархичной, чем в России. Несколько участников упомянули, что именно за рубежом научились не бояться задать вопрос на семинаре или совещании, подойти познакомиться с докладчиком на конференции и т. п.

Наши люди, кто учился в России — они боятся задавать вопросы, думают, что если задать вопрос, то кажется, что ты выставил себя дураком. Легче промолчать и потом сидеть мучиться, ковыряться, чем задать вопрос. Мне легче задавать вопросы, чем тем, кто тут [в России] обучался. Опять-таки, представлять что-то в черновой версии для обсуждения, нам [тем, кто учился за рубежом] тоже это легче сделать. (Естественные науки, жен., магистратура в Великобритании.)

Приобретенная открытость повлияла также на готовность к перемене мест работы, к поиску оптимальных вариантов вне привычной среды. Некоторые из информантов, которые после возвращения в Россию нашли работу не в своем родном городе, предположили, что, если бы не опыт

международной мобильности, они бы так и не уехали из своего города. Перечисленные личностные изменения не являются непосредственно карьерными эффектами мобильности. Однако есть основания предполагать, что они влияют на все три измерения исследовательской карьеры, так как проактивная позиция, уверенность в своих силах и открытость новому опыту дают преимущество мобильным ученым в дальнейшем.

Приобретение новых профессиональных связей. В одном из недавних систематических обзоров международных исследований эффектов мобильности ученых показано, что чаще всего в этой теме изучается, как перемещение ученого между местами работы влияет на изменение сети профессиональных связей [56]. В нашем исследовании мы увидели, что некоторым ученым именно взаимодействие с коллегами в зарубежном центре позволило впервые выйти на международный уровень — опубликовать статью в зарубежном издании, выступить на международной конференции. Далекое не у всех связи с зарубежными коллегами сохраняются после возвращения в Россию, однако есть примеры, когда взаимодействие переходит в удаленное и остается продуктивным. Иногда отложенные эффекты поездки намного превосходят немедленные результаты.

...в Китае [вторая поездка за рубеж], наоборот, в группе я там с меньшим количеством людей общался, с профессором и его группой. <...> Но зато мы целенаправленно делали конкретные вопросы, поэтому я уверен, что будут совместные статьи, и мы будем продолжать общение дистанционно, будем обсуждать конкретные математические структуры, идеи. (Естественные науки, муж., стажировка в Китае.)

В терминах трех линий исследовательской карьеры появление новых связей является существенным фактором продвижения в международном сообществе. В некоторых случаях приобретенные за рубежом связи становятся основой прочной и постоянно растущей профессиональной сети. После того как один российский ученый поработал в зарубежном центре, туда «по проторенной дороге» могут приехать его младшие коллеги или аспиранты. Таким образом, может установиться постоянный канал общения и появятся совместные проекты. Мобильный ученый в таком случае выступает как «брокер», посредник, наводящий мосты между двумя коллективами, даже если осознанно это не планировалось.

...группа была очень интернациональная, и так сложилось, что те люди, с которыми я одновременно работала в той группе, те же аспиранты или молодые постдоки, которые были в Нидерландах, многие из них потом остались в науке, уже в других группах, в других странах. И благодаря этому у меня сейчас есть хорошая сеть контактов, которую мы используем. У нас, например, есть сейчас проект, совместный с аспирантом, который поступил в Неймеген (Нидерланды), когда я оттуда уезжала. А сейчас у нас с ним совместный проект. Это еще один очень полезный итог такой поездки. Группа,

в которой я работала, она сейчас разъезжается, создаются свои группы из этих сотрудников, такие личные контакты очень полезны. (Естественные науки, жен., аспирантура в Нидерландах.)

Изменение научной результативности. Как уже было сказано, для некоторых молодых ученых именно опыт работы/обучения за рубежом стал пропуском в международные журналы. Содействие зарубежных коллег могло касаться не только содержания исследования, но и приведения готовых результатов к релевантной форме.

Я там был пять месяцев, периодически что-то рассказывал про свои результаты, получал комментарии. Практически руководителем в этом не участвовал, так как он был руководителем большого центра и у него не было на это времени. Но он сильно помог мне на финальной стадии, когда были получены все результаты и надо было оформлять статью. У меня не было опыта написания зарубежных статей, я не очень понимал, как это выглядит. Он мне говорил, что в статье должно быть четыре графика, первый график такой, этот такой... Когда я рисовал какие-то графики, он говорил, как исправить. С текстом он мне тоже сильно помогал, в итоге получилась хорошая статья, и я научился их писать. После этого я сам мог писать статьи в хорошие журналы. Это скрытая лестница к знаниям, потому что этому никто не учит. (Естественные науки, муж., магистратура во Франции.)

Еще недавно в России была широко распространена оценка результативности ученых по числу публикаций в журналах Web of Science или Scopus. Особо ценились публикации в журналах верхних кварталей. Однако то, что молодые ученые начинают за рубежом публиковаться в престижных международных журналах, не просто улучшает их резюме с точки зрения публикационных индикаторов. Статьи в таких журналах делают результаты исследований видимыми для широкого сообщества исследователей в разных странах. Они как бы перемещают ученого ближе к ядру этого сообщества производства знания в определенной теме. Помимо статей, мобильным ученым удается получать совместные патенты с зарубежными коллегами, становиться соавторами глав в монографиях под редакцией именитых исследователей, получать международные гранты. Знания, полученные в зарубежном центре, могут впоследствии быть заметным преимуществом в российской академической среде, если те или иные методики, теории, инструменты пока не получили здесь широкого распространения.

Я мог работать в программе для обработки интервью. Когда я провожу фокус-группы, я уже не делаю как раньше: вытянул интересные идеи и цитатами вставляю в свою статью. Нет. Есть такие программы <...>, которые позволяют делать математический анализ фрагментов текста. Для здешних сотрудников это было что-то сверхъестественное. Я эти свои знания передал студентам, у меня студенты написали дипломную работу, используя эти знания. Все исследования, которые я сейчас провожу, — это продолжение тех знаний, которые я получил на зарубежной стажировке. (Социальные науки, муж., стажировка в США.)

Следует отметить, что для некоторых ученых период обучения или работы за рубежом стал временем высокой продуктивности в том числе и потому, что они получили возможность концентрированно заниматься своим исследованием. В частности, это касается тех, кто получил грант на обучение в зарубежной аспирантуре и, в отличие от большинства российских аспирантов, мог не думать в течение нескольких лет о том, как покрыть расходы на жизнь. Подавляющее большинство российских аспирантов вынуждены работать, и их работа чаще всего не связана с диссертационным исследованием [1], что не может не сказываться негативно на сроках его выполнения.

В исследованиях связи мобильности и научных результатов ученого обычно анализируются количественные характеристики результативности, то есть так или иначе измеряемая продуктивность ученых [56; 40]. Реже изучается влияние мобильности на содержание работы ученого, на его/ее «когнитивную карьеру». В нашей выборке встретились те, кто изменил свое направление исследований после зарубежной мобильности. Выходу ученого на международный уровень способствует не только оформление статей по зарубежным стандартам, но и выбор тематик исследования, интересных глобальному научному сообществу.

В каждой дисциплине есть такие вещи, которые не работают или мы не совсем знаем, как они работают, и дисциплина движется, оставляя их на периферии. То есть она как бы концентрируется на этих вопросах, она движется, разрабатывая те вещи, которые работают. И, соответственно, этого понимания, какие вопросы нужно задать для того, чтобы твои вопросы превратились в статью, которая будет принята этим сообществом, у меня не было [до зарубежной стажировки]. Соответственно, я могла задавать какие-то глобальные вопросы, которые были философски осмысленными, были серьезными и глубокими вопросами, но они не могли превратиться в статью в силу того, что у них не было решения и дисциплина как бы не воспринимает их всерьез. (Гуманитарные науки, жен., стажировка в США.)

Перенос организационных практик. Опыт мобильности позволил некоторым участникам нашего исследования почерпнуть новые идеи о том, как могут быть устроены научные учреждения и организация труда в них. Это вдохновило некоторых участников на привнесение организационных изменений по возвращении в Россию или на попытки таких изменений. Таким образом, некоторым мобильным ученым удалось стать внутренними инноваторами, агентами изменений в своих университетах или институтах.

У нас там были writing groups. Это та вещь, которую библиотека предлагала, и каждый мог записаться и прийти на эти сеансы. У нас там было, что 25 минут мы садимся и пишем и 5 минут перерыв, 25 минут садимся и пишем и 10 минут перерыв. И вот мы сейчас нашей лабораторией пытаемся организовать такие вещи. У нас такие небольшие группы людей, иногда вообще два-три человека, получается, приходят, но это нормально, это не требует большого количества людей... И вначале мы просто проговариваем, кто с какой целью сегодня пришел. То есть, кто над чем собирается работать,

а потом еще минут 10–15 обсуждаем, кто что в итоге сделал и какие сложности были. (Социальные науки, жен., магистратура в Великобритании.)

Я перенес практику взаимного оценивания, то есть я сделал, чтобы студенты друг друга оценивали. И в целом, как мне кажется, я перенес сюда внимание к методике преподавания, потому что в Англии каждый преподаватель, прежде чем пойти преподавать, должен пройти курсы по методике. А этому внимания у нас мало уделяется. (Социальные науки, муж., магистратура и аспирантура в Великобритании.)

Данный тип эффектов не относится напрямую к карьерным. Однако можно предположить, что, если ученый после возвращения из-за рубежа активно предлагает и внедряет изменения в своем учреждении, переносит, как он считает, удачные зарубежные практики, это тоже будет влиять на его/ее карьеру. Не все понравившиеся организационные практики, конечно, удастся внедрить в российских организациях, из-за чего у вернувшихся могут возникать негативные эмоции.

По окончании курса мы сделали форму, студенты ее заполняют, оценивают преподавателей, какие-то рекомендации вносят, комментарии дают. Я пыталась это внедрить, но я поняла, что это совсем у нас не работает, у нас люди не могут этого принять. (Естественные науки, жен., магистратура в Великобритании.)

В случае если ученому в целом затруднительно применить полученный опыт в России и условия работы по возвращении сильно отличаются от зарубежных, обратная адаптация может вызвать трудности. Подобные проблемы не уникальны для российских ученых, они были описаны для Казахстана [49], Китая [37], где действуют поддерживаемые государством программы зарубежного обучения специалистов. В исследовании об ученых Казахстана, возвращающихся в страну после обучения за рубежом, говорится, что они испытывают трудности, связанные не столько с достаточностью зарплаты и ресурсов вообще, сколько с локальной спецификой функционирования науки (бюрократическая нагрузка, автономия исследователя, нечестность в распределении фондов). Схожие мотивы есть и в интервью российских мобильных ученых.

Я сдавал отчеты каждый год по одному, этот отчет — внимание — должен быть не более двух страниц, понимаете, не менее 30, а не более двух. И вот я должен был на этих двух страницах просто указать, что я сделал, что я планирую делать и, соответственно, в будущем году я должен был написать, что я сделал из запланированного, если не сделал, то почему не сделал, что планирую делать в будущем. И этот отчет просматривается двумя академическими супервайзерами и, понимаете, вот не должно быть никаких вот распечаток: принести, подождать, унижаться в приемной, как в России приходится это делать. (Социальные науки, муж., аспирантура в Бельгии.)

В каком-то смысле мобильным ученым проще переносить на российскую почву неформальные практики, например, усвоенные нормы горизонтального общения как с коллегами, так и со студентами. Ряд информантов упоминали о том, какое впечатление на них произвел демократичный стиль общения в зарубежном центре/университете.

Я стараюсь в своем общении, в коммуникации со студентами все-таки помнить о том моем опыте и не выстраивать такую дистанцию между нами. Я стараюсь действительно с заинтересованностью к ним относиться и помогать им, поддерживать их идеи, какими безумными бы они ни были. (Социальные науки, жен., стажировки в Германии.)

Карьерные/статусные изменения. Большинство опрошенных мобильных ученых не считают зарубежный опыт чем-то, что само по себе продвинуло их по карьерной или статусной лестнице. Значение имели достигнутые результаты (например, статьи в авторитетных международных журналах или защищенная диссертация), а также приобретенные навыки. Однако были и те, кто полагает, что зарубежный опыт мог ускорить карьерное продвижение.

Я получил повышение в должности, стал старшим преподавателем, получил довольно большую нагрузку на отделении дополнительного образования, там, где обучаются студенты с других факультетов. Я полагаю, что австралийский диплом повысил доверие ко мне. Сейчас у меня довольно большая нагрузка преподавательская, и это можно связать с той квалификацией, которую я получил. (Гуманитарные науки, муж., магистратура в Австралии.)

Многие информанты по возвращении в Россию искали работу заново, и можно предположить, что наличие международного опыта повлияло на их шансы быть принятыми на ту или иную должность. Отметим, что подавляющее большинство участников интервью были довольны текущей работой в России (на момент 2020 г.) и не жаловались на финансирование, при том что в целом в российской науке часто обсуждается проблема достаточности финансирования [5]. Есть основания полагать, что опыт мобильности если и не ведет к немедленному карьерному взлету, то все же может влиять на шансы получения хорошего предложения по работе.

В следующем разделе представлены результаты количественного измерения полученных эффектов на более масштабной выборке.

Результаты количественного этапа:

опрос высокопродуктивных исследователей

Согласно результатам опроса, практически все опрошенные высокопродуктивные исследователи, которые имели длительный опыт мобильности (12,2% от всех опрошенных), отметили положительные ее эффекты. Чаще всего упоминались расширение сети контактов с другими учеными (81%), приобретение новых навыков и повышение профессиональной квалификации (76%), выход публикации в ведущих зарубежных изданиях (58%), а также смена научной темы после поездки на более перспективную (47%). Еще 40% сообщили о получении доступа к новейшей литературе и 35% — к современному научному оборудованию. Менее всего были выражены карьерные эффекты. Только почти у каждого пятого (18%) высокопродуктивного исследователя после возвращения из зарубежной стажировки, обучения или работы вырос размер заработной платы, еще реже респонденты полу-

чили повышение в должности (13%). О том, что опыт международной мобильности и сотрудничества никак не сказался на дальнейшей работе, сообщили лишь 4% высокопродуктивных исследователей (рис. 1).

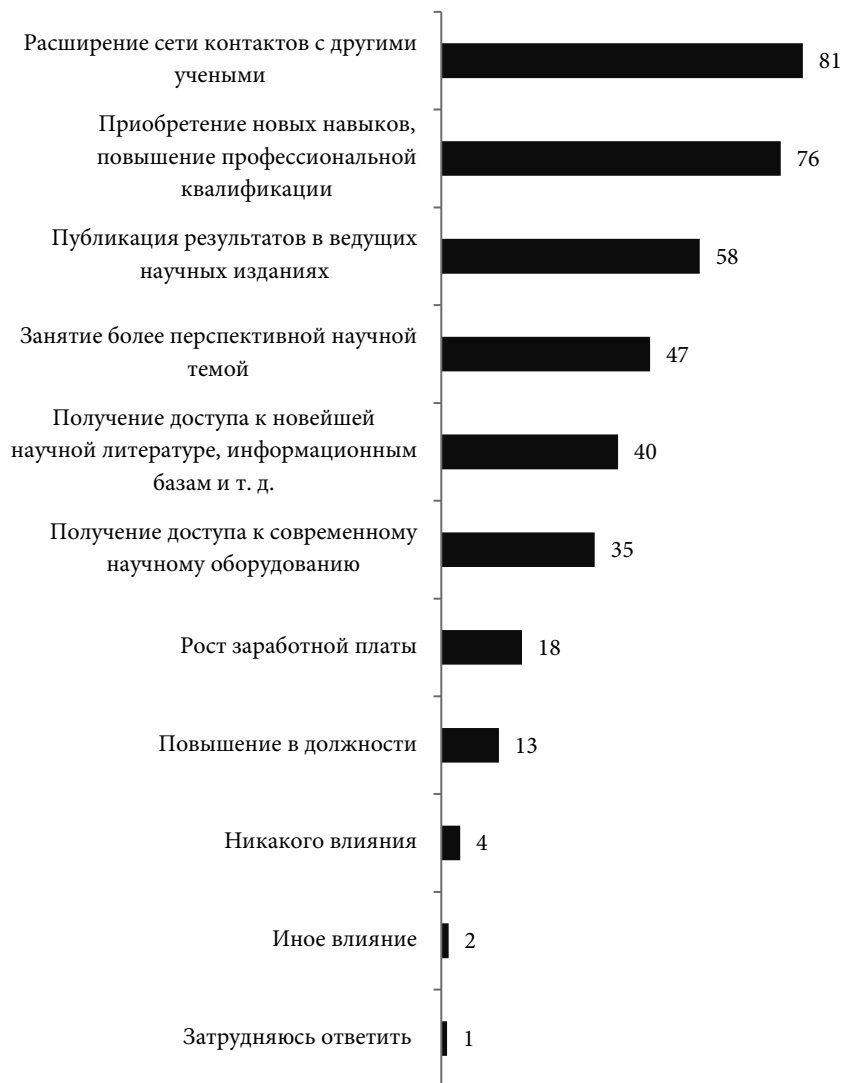

Рис. 1. Влияние международной мобильности на дальнейшую профессиональную деятельность российских ученых, % от числа опрошенных, множественный выбор

Респонденты также имели возможность оставить комментарии о других эффектах. Ведущие ученые отметили, что благодаря выезду за границу у них возникло более четкое понимание собственной области исследования, они почувствовали себя на фронтире международной

науки («незаменимый опыт настоящей передовой научной работы», «вовлечение в мировую науку»), по-новому посмотрели на решаемую проблему. Некоторые респонденты также отметили, что этот опыт дал возможность получить оценку своей квалификации со стороны, осознать уровень собственной компетентности («обретение уверенности, что уровень моих работ превосходит средний зарубежный уровень»).

Далее рассмотрим, как отличаются эффекты международной мобильности в зависимости от области науки, пола и возраста.

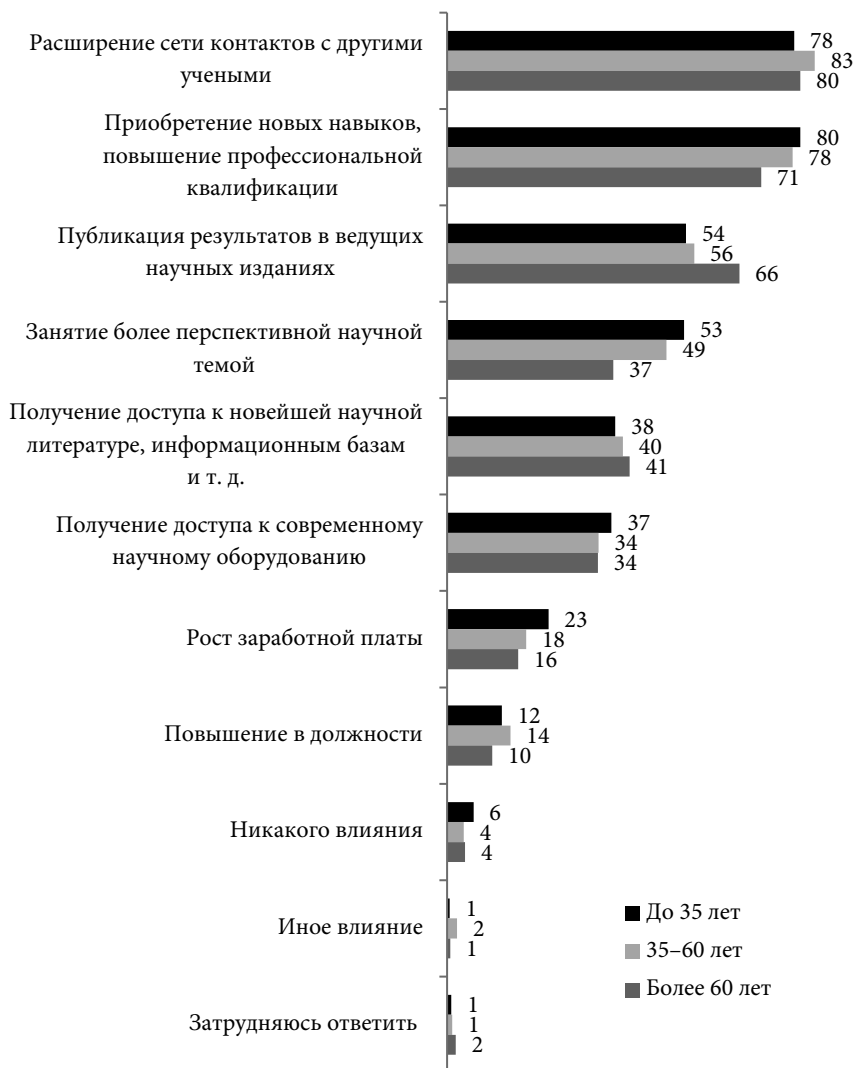

Рис. 2. Влияние международной мобильности на дальнейшую профессиональную деятельность российских ученых в зависимости от возрастной группы, % от числа опрошенных, множественный выбор

В целом не наблюдается значительной разницы между *возрастными группами*, однако по ряду позиций есть существенные различия (рис. 2). Во-первых, представители старших возрастных групп (более 60 лет) намного чаще отмечали выход публикаций в ведущих научных журналах после возвращения из-за рубежа по сравнению с другими группами и гораздо реже отмечали приобретение новых навыков и смену научной темы. Более молодые исследователи (до 35 лет), напротив, чаще отмечали рост профессиональной квалификации и смену темы на более перспективную, а также рост заработной платы. То есть доминирующий взгляд на то, что мобильность приносит преимущества в основном на начальных этапах карьеры, не находит подтверждения на российских данных. Положительные эффекты получают все независимо от возрастной группы, различия заключаются лишь в том, какого рода эти эффекты.

Не было обнаружено никаких значимых *гендерных различий* в полученных эффектах от участия в долгосрочной мобильности, за исключением того, что женщины чуть чаще отмечали повышение профессиональной квалификации и приобретение новых навыков, чем мужчины (82% против 73%).

Если говорить о различии *по областям наук*, то больше всего положительных эффектов отмечали представители естественных наук: они чаще, чем в среднем по выборке, фиксировали расширение международных контактов, смену научной темы на более перспективную, рост своей научной производительности, а также почти в 2 раза чаще остальных отмечали факт доступа к современному научному оборудованию. Также они значимо чаще остальных отмечали повышение как в должности, так и размера заработной платы после длительной международной мобильности (см. табл.).

Меньше всего позитивных эффектов наблюдается у представителей общественных и гуманитарных наук: они меньше, чем другие, говорили о расширении контактов с другими учеными и в 2 раза реже отмечали публикационные эффекты, что полностью согласуется с результатами, полученными наукометрическими методами [16; 48]. Это свидетельствует о большей «локализованности» знания в этих дисциплинах, чем в естественных науках. Представители гуманитарных и медицинских наук чаще других отмечали получение доступа к новейшей литературе и базам данных, что для первых связано преимущественно с посещением архивов и специализированных библиотек, а для вторых — с получением доступа к данным клиник, национальных систем здравоохранения. Также представители медицинских наук отмечали произошедший после мобильности карьерный рост. Стоит отдельно отметить, что все ученые независимо от области науки отметили, что приобрели новые знания, а также повысили свою профессиональную квалификацию. Это еще раз подтверждает тезис о том, что международная мобильность является важнейшим механизмом приобретения и дальнейшего трансфера исследовательских компетенций.

Таблица

Влияние длительной международной мобильности на профессиональную деятельность высокопродуктивных исследователей, по областям науки⁹

Эффекты международной мобильности	Науки					
	естественные	технические	медицинские	сельскохозяйственные	общественные	гуманитарные
Расширение сети контактов с другими учеными	90	75	74	92	70	80
Приобретение новых навыков, повышение профессиональной квалификации	80	72	77	77	68	78
Занятие более перспективной научной темой	58	41	47	62	36	36
Публикация результатов в ведущих научных изданиях	75	50	68	85	37	39
Получение доступа к современному научному оборудованию	58	33	35	46	8	11
Получение доступа к новейшей научной литературе, информационным базам	39	30	44	31	33	50
Повышение в должности	18	9	16	15	9	6
Рост заработной платы	27	16	18	38	9	8

Заключение

По результатам как качественного, так и количественного анализа можно сделать вывод, что абсолютное большинство участников долгосрочной мобильности отметили ее позитивное влияние на дальнейшую исследовательскую деятельность (в частности, 96% высокопродуктивных исследователей заметили изменения в своей работе после приобретения этого опыта). Основными результатами поездок за рубеж стали приобретение новых знаний и навыков, повышение квалификации, а также расширение сети контактов с коллегами. Реже респонденты отмечали карьерные эффекты (повышение в должности или рост зарплаты), что, скорее всего, связано с тем, что в российской академической среде длительность работы в конкретной организации (лояльность) имеет большой вес для продвижения. Наблюдается зна-

⁹ Данные по сельскохозяйственным наукам не показаны в таблице из-за недостаточного количества наблюдений.

чительная гетерогенность эффектов мобильности в зависимости от области науки: больше всего позитивных эффектов получают представители естественных наук, меньше всего выражены преимущества у исследователей в области гуманитарных и общественных наук.

Кроме того, мобильные преподаватели, принявшие участие в исследовании, отмечали как произошедшие личностные изменения, так и трансформацию подходов к исследовательской работе, а также рост профессиональных навыков, перенос некоторых организационных практик. Таким образом, мобильность является важнейшим инструментом как повышения профессиональной квалификации, так и выстраивания связей и новых коопераций, а также опытом, меняющим как личные ценности, так и подходы к организации собственной исследовательской работы. Вместе с тем не все практики или навыки удается интегрировать. В частности, не всегда получается реализовать запрос на более равноправное взаимодействие с научным руководителем или внедрить практику взаимного оценивания коллегами из-за сопротивления существующей академической среды и сложившихся в ней норм.

Если рассматривать исследовательскую карьеру через призму трех измерений — когнитивного, организационного и связанного со сменой ролей в профессиональном сообществе, — можно утверждать, что международная мобильность оказывает комплексное влияние, заметное во всех трех компонентах. Приобретенные знания и умения, вовлечение в международные коллаборации обеспечивают развитие «когнитивной карьеры» исследователя, а новые профессиональные связи расширяют присутствие ученого в международном профессиональном сообществе. Что касается организационного измерения карьеры, влияние мобильности может быть не прямым, то есть не обеспечивать карьерный рост. Однако мобильность нередко способствует личностным изменениям, в частности, влияющим на решимость менять работу, искать наилучшие условия. Этот сюжет не так хорошо исследован и описан в литературе.

Результаты проведенных глубинных интервью с учеными подтвердили, что среди эффектов мобильности есть и другая сторона этого вопроса, а именно риск оттока ученых за границу. Некоторые наши информанты говорили о планах поиска работы за рубежом. Иногда — хотя и необязательно — это желание связано с трудностями, которые мобильные ученые испытывают по возвращении на родину. В то же время несколько участников нашего исследования именно за рубежом осознали, что они хотят реализовывать себя в России, так как условия на родине — бытовые, профессиональные, культурные — для них более комфортны.

В силу изменившейся геополитической ситуации актуальность изучения мобильности ученых даже возрастает, так как результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что снизился доступ

к важному инструменту кадрового развития, выполнявшему значимые функции для повышения компетенций российских исследователей. В связи с этим необходимы перенастройка государственной научно-технической политики, разработка специальных мер с целью снижения вероятности оттока высокопродуктивных исследователей за рубеж, сохранения и поддержания научных контактов с зарубежными учеными, продолжения программ академического обмена в новых условиях. Полезно ориентироваться на опыт Китая, в котором действуют разнообразные программы поддержки мобильности молодых ученых, а также возвращения в страну китайских ученых из-за рубежа. Несмотря на меняющиеся отношения с другими странами, Китай вот уже несколько десятилетий не менял вектор на поддержку получения своими гражданами зарубежного образования и опыта работы. В результате в китайской науке работают огромное число специалистов с международным опытом.

Одними из возможных мер могут стать перенастройка и масштабный перезапуск программ внутрироссийской академической мобильности, которые, согласно последним исследованиям, дают схожие эффекты среди российских молодых исследователей. В частности, они отмечали рост знаний и научной продуктивности, развитие мягких навыков, знакомство с другой корпоративной культурой, расширение профессиональной сети контактов, заимствование и перенос лучших организационных практик [18].

Вместе с тем эти позитивные эффекты сочетаются с повышенной нагрузкой и эмоциональным выгоранием, так как участник внутрироссийской мобильности получает недостаточно институциональной поддержки. Так происходит из-за того, что академическая мобильность в России имеет ряд характерных особенностей, которые являются производными от российской научно-образовательной системы в целом: высокий уровень централизации (76% всех переездов исследователей связаны с Москвой и Санкт-Петербургом); сильная институциональная инерция, распространенность инбридинга, малое количество программ стимулирования внутрироссийской академической мобильности [18]. Чтобы преодолеть эти проблемы, необходимы дополнительные меры финансовой и организационной поддержки со стороны государства.

Следует усиливать и развивать кооперацию с дружественными странами, имеющими схожий накопленный научно-технический потенциал, в частности с Китаем, с которым в последние годы у России расширялось сотрудничество. Кроме того, «недоиспользованным» является потенциал взаимодействия с российской научной диаспорой за рубежом (в том числе с теми учеными, которые мигрировали после начала СВО). Интересным здесь является опыт Ирана, который, несмотря на санкции, наращивает научное сотрудничество, в том числе со странами Запада, и взаимодействие с иранской диаспорой уехавших ученых в данном случае играет важную роль [7].

Другим возможным способом частичного замещения международной мобильности могут быть механизмы, которые не требуют физического перемещения ученых и были апробированы во время пандемии COVID-19 (участие в международных конференциях в формате онлайн, а также приглашение к сотрудничеству иностранных профессоров в дистанционном формате).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Нефедова Алена Игоревна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория экономики инноваций Института статистических исследований и экономики знаний, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Телефон: +7 (495) 772-95-90*12044. **Электронная почта:** anefedova@hse.ru

Дьяченко Екатерина Львовна — научный сотрудник, Центр институционального анализа науки и образования, Европейский университет в Санкт-Петербурге; младший научный сотрудник, Центр перспективных социальных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы.

Телефон: 8 (812) 386-76-37. **Электронная почта:** edyachenko@eu.spb.ru

Research Article

ALENA I. NEFEDOVA¹, EKATERINA L. DYACHENKO^{2,3}

¹ HSE University.

11, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

² European University in St. Petersburg.

6/1, A, Gagarinskaya st. Saint Petersburg, Russian Federation.

³ Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

82, Vernadskogo avenue, 119571, Moscow, Russian Federation.

THE EFFECTS OF PARTICIPATING IN INTERNATIONAL MOBILITY FOR RUSSIAN SCIENTISTS

Abstract. Since the collapse of the Soviet Union and the opening of borders, numerous measures have been taken to internationalize Russian science. In particular, publications in journals that are listed in international scientific citation databases have become a point of closer focus. Universities and scientific organizations began inviting foreign professors and sending their own staff and students abroad on international internships. After the start of the Special Military Operation in Ukraine in 2022, Russian science faced numerous sanctions that entailed a reduction in international cooperation. However Russian scientists have accumulated 30 years of experience in active participation in international cooperation and academic mobility. Nevertheless, there is still a significant lack of understanding of how this experience will impact the scientific careers of Russian scientists going forward. In this article, the authors present the results of a study dedicated to exploring this issue.

The theoretical framework for the analysis is based on such a concept as “the Three Careers of an Academic” (organizational, cognitive, and community careers) proposed by German experts in sociology of science Johan Gläser and Grit Laudel. The empirical data used in the study include materials from in-depth interviews with young scientists

under the age of 39, collected in 2020–2021 as part of a project known as “International Mobility of Russian Young Researchers”, as well as the results of a sociological survey of 7,255 highly productive scientists conducted under the “Monitoring of education markets and organizations” in 2022. All respondents had spent more than three months abroad. The study revealed that international mobility has a comprehensive impact, noticeable in all three components of a scientific career. Acquired knowledge and skills, as well as involvement in international projects contribute to the development of a researcher’s cognitive career, while new professional connections promote advancement in the international scientific community. As for the “organizational dimension” of a career, mobility does not have a direct influence on career advancement. However, mobility often leads to personal changes, particularly influencing one’s determination to switch jobs and seek better conditions. These assessments are presented for the first time and can be useful in developing recommendations for science and technology policies regarding the revision of mobility support programs in light of the new geopolitical reality.

Keywords: Russian scientists; young scientists; effects of mobility; academic mobility; international mobility; scientific career.

For citation: Nefedova, A.I., Dyachenko, E.L. The Effects of Participating in International Mobility for Russian Scientists. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 113–142. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.6

Acknowledgment: This article was prepared within the framework of the Basic Research Program of the National Research University “Higher School of Economics”.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alena I. Nefedova — Candidate of Sociological Sciences, Senior Research Fellow, Laboratory of Innovation Economics at the Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University “Higher School of Economics” (HSE). **Phone:** +7 (495) 772-95-90*12044 **Email:** anefedova@hse.ru

Ekaterina L. Dyachenko — Research Fellow, Center for Institutional Analysis of Science and Education, European University in St. Petersburg; Junior Research Fellow, Center for Advanced Social Research, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). **Phone:** +7 (812) 386-76-37. **Email:** edyachenko@eu.spb.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Бекова С.К., Джафарова З.И.* Кому в аспирантуре жить хорошо: связь трудовой занятости аспирантов с процессом и результатами обучения // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 87–108. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-87-108 EDN: ZAVVZZ
Bekova S.K., Jafarova Z.I. Who is Happy at Doctoral Programs: The Connection between Employment and Learning Outcomes of PhD Students. *Voprosy obrazovaniya*. 2019. No. 1. P. 87–108. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-87-108 (In Russ.)
2. *Волкова Г.Л.* Является ли опыт международной мобильности карьерным преимуществом? Пример российских ученых // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 2. С. 71–82. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-20-71-82 EDN: KTDAZX

- Volkova G.L. Does the Experience of International Mobility Lead to Career Advantages? Study of Russian researchers. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2021. Vol. 30. No. 2. P. 71–82. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-20-71-82 (In Russ.)
3. Гершман М.А., Гохберг Л.М., Демьянова А.В., Нефедова А.И., Пермякова В.А., Стрельцова Е.А., Шматко Н.А. Международная мобильность ученых: угроза или благо? / Науч. ред.: Л.М. Гохберг, Е.А. Стрельцова. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2022. — 48 с.
Gershman M.A., Gokhberg L.M., Demyanova A.V., Nefedova A.I., Permyakova V.A., Streltsova E.A., Shmatko N.A. *Mezhdunarodnaya mobil'nost' uchenykh: ugroza ili blago?* [International mobility of scientists: threat or benefit?] Ed. by L.M. Gokhberg, E.A. Streltsova. Moscow: NIU "Vysshaya shkola ekonomiki" publ., 2022. 48 p. (In Russ.)
 4. Гохберг Л.М., Китова Г.А., Кузнецова Т.Е., Шувалова О.Р. Российские ученые: штрихи к социологическому портрету. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. — 140 с. EDN: PCNDFL
Gokhberg L.M., Kitova G.A., Kuznetsova T.E., Shuvalova O.R. *Rossiiskie uchenye: shtrikhi k sotsiologicheskomu portretu*. [Russian scientists: touches to the sociological portrait.] Moscow: Izd. dom GU-VShE publ., 2010. 140 p. (In Russ.)
 5. Гусев А.Б., Юревич М.А. Научная политика России—2021. М.: Буки Веди, 2021. — 96 с.
Gusev A.B., Yurevich M.A. *Nauchnaya politika Rossii—2021*. [Scientific policy of Russia—2021.] Moscow: Buki Vedi publ., 2021. 96 p. (In Russ.)
 6. Дежина И.Г. Политика России по развитию сотрудничества с зарубежными учеными-соотечественниками // Экономика и прогнозирование. 2012. Т. 10. С. 9–24. EDN: SMMJHL
Dezhina I.G. Russia's policy on the development of cooperation with foreign compatriot scientists. *Ekonomika i prognozirovanie*. 2012. Vol. 10. P. 9–24. (In Russ.)
 7. Дежина И.Г. Международное научное сотрудничество российских вузов в новых условиях: ограничения и возможности // ЭКО. 2022. Т. 52. № 11. С. 125–143. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-11-125-143 EDN: QIWYIQ
Dezhina I.G. International scientific cooperation of Russian universities in new conditions: limitations and opportunities. *EKO*. 2022. Vol. 52. No. 11. P. 125–143. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-11-125-143 (In Russ.)
 8. Дежина И.Г., Нефедова А.И. Оценки влияния санкций на работу высокопродуктивных российских ученых // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 19–31. DOI: 10.31857/S013216250029334-0 EDN: RWKPHM
Dezhina I.G., Nefedova A.I. The impact of sanctions on highly productive Russian scientists. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 12. P. 19–31. DOI: 10.31857/S013216250029334-0 (In Russ.)
 9. Другова Е.А., Нужина Н.И., Коряковцева П.В. Международный академический рекрутинг в ведущих российских университетах: текущее состояние и перспективы развития // Университетское управление: практика и анализ. 2016. Т. 1. № 101. С. 32–43. EDN: VQWPEL

- Drugova E.A., Nuzhina N.I., Koryakovtseva P.V. International academic recruitment at the leading russian universities: current position and prospects of further development. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2016. Vol. 1. No. 101. P. 32–43. (In Russ.)
10. *Дьяченко Е.Л., Неведова А.И., Стрельцова Е.А.* Наем иностранных ученых в российские научные организации и вузы: возможности и барьеры // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 5. С. 132–143. EDN: ZXYKOD
 Dyachenko E.L., Nefedova A.I., Streltsova E.A. Recruitment of foreign scientists in russian research organizations and universities: opportunities and barriers. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2017. Vol. 21. No. 5. P. 132–143. (In Russ.)
11. *Еркина Д.С., Малахов В.А., Юревич М.А.* Программа мегагрантов: импульс международной мобильности или канал «утечки умов»? // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 1. С. 81–96. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-81-96 EDN: OVHVTT
 Erkina D.S., Malakhov V.A., Yurevich M.A. Megagrant program: an impetus for international academic mobility or a channel for brain drain? *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 81–96. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-81-96 (In Russ.)
12. *Зайончковская Ж.А.* Трудовая эмиграция российских ученых // Проблемы прогнозирования. 2004. № 4. С. 98–108. EDN: HRTRXL
 Zayonchkovskaya Zh.A. Labor emigration of Russian scientists. *Problemy prognozirovaniya*. 2004. No. 4. P. 98–108. (In Russ.)
13. *Крячко В.И.* Оценка академической мобильности исследователей: возможности и ограничения существующих подходов // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 4. С. 130–145. DOI: 10.15826/umpa.2020.04.040 EDN: TAPLFQ
 Kryachko V.I. Assessing the academic mobility of researchers: possibilities and limitations of existing approaches. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2020. Vol. 24. No. 4. P. 130–145. DOI: 10.15826/umpa.2020.04.040 (In Russ.)
14. *Малахов В.А., Васильева И.Н., Белов Ф.Д.* Структура международной миграции ученых на примере России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 232–246. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.14 EDN: QCKKGW
 Malakhov V.A., Vasilyeva I.N., Belov F.D. The structure of international migration of scientists using the example of Russia. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2020. Vol. 13. No. 5. P. 232–246. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.14 (In Russ.)
15. *Некипелова Е.Ф., Гохберг Л.М., Миндели Л.Э.* Эмиграция ученых: проблемы, реальные оценки // Миграция специалистов из России: причины, последствия, оценки / Под ред. Ж.А. Зайончковской, Д. Азраэла. М.: ЦИСН, 1994. С. 3–18.
 Nekipelova E.F., Gokhberg L.M., Mindeli L.E. Emigration of scientists: problems, real assessments. *Migratsiya spetsialistov iz Rossii: prichiny, posledstviya, otsenki*. [Migration of specialists from Russia: causes, consequences, assessments.] Ed. by Zh.A. Zayonchkovskaya, D. Azrael. Moscow: CISN publ., 1994. P. 3–18. (In Russ.)

16. Нефедова А.И., Волкова Г.Л., Дьяченко Е.Л., Коцемир М.Н., Спирина М.О. Международная мобильность и публикационная активность молодых ученых: что говорят статистика, библиометрия и сами сотрудники // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. Т. 52. № 4. С. 98–121. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-4 EDN: KKLHJN
Nefedova A.I., Volkova G.L., Dyachenko E.L., Kotsemir M.N., Spirina M.O. International mobility and publication activity of early-career-researchers: What do statistics, bibliometrics and scientists themselves say? *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*. 2021. Vol. 52. No. 4. P. 98–121. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-4 (In Russ.)
17. Нефедова А.И., Спирина М.О., Дьяченко Е.Л. Как онлайн-инструменты могут облегчить коллективный анализ глубинных интервью // Практики анализа качественных данных в социальных науках. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2023. С. 244–272.
Nefedova A.I., Spirina M.O., Dyachenko E.L. How online tools can facilitate collective analysis of in-depth interviews. *Praktiki analiza kachestvennykh dannykh v sotsial'nykh naukakh*. [Practices of qualitative data analysis in social sciences.] Moscow: Izd. dom GU-VShE publ., 2023. P. 244–272. (In Russ.)
18. Нефедова А.И., Чефанова Е.И., Слепых В.И., Иващенко А.Д. Эффекты участия во внутрироссийской мобильности для молодых ученых и преподавателей // Вопросы образования. 2024. № 1 (в печати).
Nefedova A.I., Chefanova E.I., Slepых V.I., Ivashchenko A.D. Effects of participation in intra-Russian mobility for young scientists and teachers. *Voprosy obrazovaniya*. 2024. No. 1 (in print). (In Russ.)
19. Сивак Е.В., Юдкевич М.М. «Закрытая» академическая среда и локальные академические конвенции // Форсайт. 2008. Т. 2. № 4. С. 32–41. EDN: NQTIVH
Sivak E.V., Yudkevich M.M. “Closed” academic environment and local academic conventions. *Forsait*. 2008. Vol. 2. No. 4. P. 32–41. (In Russ.)
20. Сивак Е.В., Юдкевич М.М. Академический инбридинг: за и против // Вопросы образования. 2009. Т. 1. С. 170–187. EDN: KGBSGX
Sivak E.V., Yudkevich M.M. Academic inbreeding: pros and cons. *Voprosy obrazovaniya*. 2009. Vol. 1. P. 170–187. (In Russ.)
21. Соколов М.М., Губа К.С., Зименкова Т.В., Сафонова М.А., Чуйкина С.А. Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах / Науч. ред. К.В. Иванов. М.: НЛО, 2015. — 832 с.
Sokolov M.M., Guba K.S., Zimenkova T.V., Safonova M.A., Chuikina S.A. *Kak stanovyatsya professorami: akademicheskie kar'ery, rynki i vlast' v pyati stranakh*. [How professors become: academic careers, markets and power in five countries.] Ed. by K.V. Ivanov. Moscow: NLO publ., 2015. 832 p. (In Russ.)
22. Чепуренко А.Ю., Шереги Ф.Э., Шувалова О.Р., Обыденнова Т.Б. Российская наука в новых условиях: роль зарубежных фондов // Мир России. Социология, этнология. 2005. Т. 14. № 4. С. 138–161. EDN: MUYIOZ
Chepurenko A.Yu., Sheregi F.E., Shuvalova O.R., Obydennova T.B. Russian science in new conditions: the role of foreign funds. *Mir Rossii. Sotsiologiya, etnologiya*. 2005. Vol. 14. No. 4. P. 138–161. (In Russ.)

23. Шматко Н.А., Волкова Г.Л. Мобильность и карьерные перспективы исследователей на рынке труда // Высшее образование в России. 2017. Т. 12. № 1. С. 35–46. EDN: XQXEВH
Shmatko N.A., Volkova G.L. Mobility and career prospects of researchers in the labor market. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 35–46. (In Russ.)
24. Шувалова О.Р., Чепуренко А.Ю., Соколов А.В., Гохберг Л.М. Воспроизводство научной элиты в России: роль зарубежных научных фондов (на примере Фонда им. А. Гумбольдта) / Под общ. ред. А.Ю. Чепуренко, Л.М. Гохберга. М.: Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 2005. — 186 с.
Shuvalova O.R., Chepurenko A.Yu., Sokolov A.V., Gokhberg L.M. *Vosproizvodstvo nauchnoi elity v Rossii: rol' zarubezhnykh nauchnykh fondov (na primere Fonda im. A. Gumbol'dta)*. [Reproduction of the scientific elite in Russia: the role of foreign scientific foundations (on the example of the A. Humboldt Foundation).] Ed. by A.Yu. Chepurenko, L.M. Gokhberg. Moscow: Russian Independent Institute of Social and National Problems publ., 2005. 186 p. (In Russ.)
25. Ackers L. Internationalisation, Mobility and Metrics: A New Form of Indirect Discrimination? *Minerva*. 2008. Vol. 46. No. 4. P. 411–435. DOI: 10.1007/s11024-008-9110-2
26. Asheulova N., Dushina S. *Research career development in Russia: the role of international mobility*. St. Petersburg: (Re)searching Scientific Careers, 2014. Accessed 01.11.2023. URL: http://ihst.nw.ru/Files/User/Asheulova/Researchng_Scientific_Careers_2014.pdf.
27. Bauder H. The international mobility of academics: A labour market perspective. *International Migration*. 2015. Vol. 53. No. 1. P. 83–96. DOI: 10.1111/j.1468-2435.2012.00783.x
28. Bozeman B., Corley E. Scientists' Collaboration Strategies: Implications for Scientific and Technical Human Capital. *Research Policy*. 2004. Vol. 33. No. 4. P. 599–616. DOI: 10.1016/j.respol.2004.01.008
29. Breschi S., Lissoni F. Mobility of skilled workers and co-invention networks: an anatomy of localized knowledge flows. *Journal of Economic Geography*. 2009. Vol. 9. No. 4. P. 439–468. DOI: 10.1093/jeg/lbp008
30. Ciumasu I. Turning brain drain into brain networking. *Science and public policy*. 2010. Vol. 37. No. 2. P. 135–146. DOI: 10.3152/030234210X489572
31. Courtois A., Sautier M. Academic Brexodus? Brexit and the dynamics of mobility and immobility among the precarious research workforce. *British Journal of Sociology of Education*. 2022. Vol. 43. No. 4. P. 639–657. DOI: 10.1080/01425692.2022.2042195
32. Coey C. International researcher mobility and knowledge transfer in the social sciences and humanities. *Globalisation, Societies and Education*. 2018. Vol. 16. No. 2. P. 208–223. DOI: 10.1080/14767724.2017.1401918
33. Davies S. Epistemic Living Spaces, International Mobility, and Local Variation in Scientific Practice. *Minerva*. 2020. Vol. 58. No. 1. P. 97–114. DOI: 10.1007/s11024-019-09387-0
34. Deville P., et al. Career on the move: Geography, stratification and scientific impact. *Scientific reports*. 2014. Vol. 4. Article 4770. DOI: 10.1038/srep04770

35. Fontes M., Videira P., Calapez T. The impact of long-term scientific mobility on the creation of persistent knowledge networks. *Mobilities*. 2013. Vol. 8. No. 3. P. 440–465. DOI: 10.1080/17450101.2012.655976
36. Franzoni C., Scellato G., Stephan P. International mobility of research scientists: Lessons from GlobSci. *Global mobility of research scientists*. Academic Press. 2015. P. 35–65. DOI: 10.1016/B978-0-12-801396-0.00002-8
37. Gao Y., Liu J. Capitalising on academics' transnational experiences in the domestic research environment. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2021. Vol. 43. No. 4. P. 400–414. DOI: 10.1080/1360080X.2020.1833276
38. Gokhberg L., Kuznetsova T., Kotsemir M. From the Soviet Union to the Russian Federation: publication activity dynamics along the evolution of national science policies. *Scientometrics*. 2023. Vol. 128. No. 11. P. 6195–6246. DOI: 10.1007/s11192-023-04838-8
39. Gläser J., Laudel G. *The Three Careers of an Academic*. Discussion Paper 35/2015. Berlin: TU Berlin, Center for Technology and Society. Accessed 30.03.2023. URL: https://www.tu-berlin.de/fileadmin/f27/PDFs/Discussion_Papers/35_2015discussion_paper_Nr_35_Glaeser_Laudel.pdf
40. Gureyev V., et al. Review and analysis of publications on scientific mobility: Assessment of influence, motivation, and trends. *Scientometrics*. 2020. Vol. 124. No. 2. P. 1599–1630. DOI: 10.1007/s11192-020-03515-4
41. Halevi G., Moed H. F., Bar-Ilan J. Researchers' mobility, productivity and impact: Case of top producing authors in seven disciplines. *Publishing Research Quarterly*. 2016. Vol. 32. P. 22–37. DOI: 10.1007/s12109-015-9437-0
42. Horta H. Academic inbreeding: Academic oligarchy, effects, and barriers to change. *Minerva*. 2022. Vol. 60. No. 4. P. 593–613. DOI: 10.1007/s11024-022-09469-6
43. Iverson E., Wooley R. International mobility and career progression of European academics [preprint]. *Conference: 27th International Conference on Science, Technology and Innovation Indicators (STI 2023)*. Leiden: CWTS, 2023. 33 p. DOI: 10.55835/64426b96e3a90677102e2622
44. Kuzhabekova A., Sparks J., Temerbayeva A. Returning from study abroad and transitioning as a scholar: Stories of foreign PhD holders from Kazakhstan. *Research in Comparative and International Education*. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 412–430. DOI: 10.1177/1745499919868644
45. Jonkers K., Cruz-Castro L. Research upon return: The effect of international mobility on scientific ties, production and impact. *Research Policy*. 2013. Vol. 42. No. 8. P. 1366–1377. DOI: 10.1016/j.respol.2013.05.005
46. Jons H. Transnational mobility and the spaces of knowledge production: a comparison of global patterns, motivations and collaborations in different academic fields. *Social Geography*. 2007. Vol. 2. No. 2. P. 97–114. DOI: 10.5194/sg-2-97-2007
47. Kosmulski M. Careers of Young Polish Chemists. *Scientometrics*. 2015. Vol. 102. No. 2. P. 1455–1465. DOI: 10.1007/s11192-014-1461-x
48. Kotsemir M.N., Dyachenko E., Nefedova A. Mobile young researchers and their non-mobile 'twins': who is winning the academic race? *Scientometrics*. 2022. Vol. 127. No. 12. P. 7307–7332. DOI: 10.1007/s11192-022-04488-2

49. Kuzhabekova A., Sparks J., Temerbayeva A. Returning from study abroad and transitioning as a scholar: Stories of foreign PhD holders from Kazakhstan. *Research in Comparative and International Education*. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 412–430. DOI: 10.1177/1745499919868644
50. Kim T. Transnational academic mobility, knowledge, and identity capital. *Discourse: Studies in the cultural politics of education*. 2010. Vol. 31. No. 5. P. 577–591. DOI: 10.1080/01596306.2010.516939
51. Laudel G., Gläser J. From apprentice to colleague: The metamorphosis of early career researchers. *Higher education*. 2008. Vol. 55. P. 387–406. DOI: 10.1007/s10734-007-9063-7
52. Macfarlane B., Jefferson A. The closed academy? Guild power and academic social class. *Higher Education Quarterly*. 2022. Vol. 76. No. 1. P. 6–47. DOI: 10.1111/hequ.12305
53. Meyer J.B. Network Approach versus Brain Drain: Lessons from the Diaspora. *International Migration*. 2001. Vol. 39. No. 5. P. 91–110. DOI: 10.1111/1468-2435.00173
54. Morley L., et al. Internationalisation and migrant academics: the hidden narratives of mobility. *Higher Education*. 2018. Vol. 76. No. 4. P. 537–554. DOI: 10.1007/s10734-017-0224-z
55. Nefedova A. Why international students choose to study at Russia’s leading universities. *Journal of Studies in International Education*. 2021. Vol. 25. No. 5. P. 582–597. DOI: 10.1177/1028315320963514
56. Netz N., Hampel S., Aman V. What effects does international mobility have on scientists’ careers? A systematic review. *Research Evaluation*. 2020. Vol. 29. No. 3. P. 327–351. DOI: 10.1093/reseval/rvaa007
57. Sang K., Calvard T. “I’m a migrant, but I’m the right sort of migrant”: Hegemonic masculinity, whiteness, intersectional privilege and (dis)advantage in migratory academic careers. *Gender, Work & Organization*. 2019. Vol. 26. No. 10. P. 1506–1525. DOI: 10.1111/gwao.12382
58. Scellato G., Franzoni C., Stephan P. Mobile Scientists and International Networks. *National Bureau of Economic Research Working Paper*. 2012. No. 18613. P. 1–33. DOI: 10.3386/w18613
59. Subbotin A., Aref S. Brain Drain and Brain Gain in Russia: Analyzing International Migration of Researchers by Discipline using Scopus Bibliometric Data 1996–2020. *Scientometrics*. 2021. No. 126. P. 7875–7900. DOI: 10.1007/s11192-021-04091-x

Статья поступила в редакцию: 07.12.2023; поступила после рецензирования и доработки: 03.02.2024; принята к публикации: 15.03.2024.

Received: 07.12.2023; revised after review: 03.02.2024; accepted for publication: 15.03.2024.